

Е. Казанцева

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОГРАНИЧЬЕ: СЛОВАРЬ БРАСЛАВСКИХ ГОВОРОВ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕГО МАТЕРИАЛА

Итогом диалектологических исследований, проведенных на Браславщине в 1997 – 2008 годах научным коллективом под руководством проф. Э. Смукловой и ранее, в 1969 – 1978 гг. под руководством проф. В.Л. Веренича, стал словарь *Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność. Słownictwo dwujęzycznych mieszkańców rejonu (Słownik brasławski) / Red. naukowy E.Smukłowa, W-wa 2009, wyd. UW.*

Задумкой авторов было отражение в лексикографическом материале интерференционных процессов в активном лексиконе жителей исследуемого региона – т.е. фиксация языковых фактов, позволяющих на лексическом, морфологическом и фонетическом уровне кодов проследить межъязыковые влияния. Важным представлялось также зарегистрировать изменение лексического состава кодов и представление о принадлежности им языковых единиц, поскольку польский говор в регионе в условиях близкородственного языкового окружения переживает процесс активной трансформации (угасания).

Лексемы, зафиксированные в беседах по-польски и по-белорусски, представлены в словаре параллельно, как равнозначные номинации, которые может получать в регионе тот или иной денотат; они приводятся в одной статье и разделены знаком //. Это не значит, что единицы, отделенные друг от друга //, принадлежат к реестру «белорусских» или «польских» с генетической точки зрения: принятое разделение отражает не лингвистическую интерпретацию их происхождения, а перспективу респондентов, то, как они воспринимают и употребляют в своей белорусской или польской речи языковые единицы.

Один из основных вопросов, встающих перед исследователями, – вопрос о характере наблюдаемых в регионе межъязыковых влияний. Идет ли речь только об интерференции – проникновении в тот или иной код структур другого кода и создании маркаронических единиц и конструкций – или многоязычие региона становится фактором, влияющим на формирование регионального словарика, активных элементов словарного запаса многоязычных автохтонов, «локального продукта»? Иными словами: имеем ли мы дело с сосуществованием на одной территории и взаимным влиянием нескольких этнолектов или в настоящее время можно вести речь о формировании единого региолекта? Выбранный лексикографический подход, как представляется, позволяет вести исследования в этом направлении.

С коммуникативной точки зрения «региолект» (единый локальный код) существует. Жители региона если и не активно, то по крайней мере пассивно владеют одним или несколькими кодами помимо *lingva prima*. Высказывания респондентов подтверждают, что речь представителей иной локальной этноязыковой группы им понятна – а зачастую даже понятнее и ближе, чем литературный язык или язык представителей собственного этноса, живущих за пределами региона.

Тем не менее, респонденты, как правило, в состоянии идентифицировать собственную и чужую речь как «белорусскую», «русскую» или «польскую» (даже если их классификация отличается от терминологической), т.е. ощущают отличия между используемыми в регионе кодами.

Целью **лингвистического анализа** словарного материала (проведенного на примере тематических разделов «*Zjawiska atmosferyczne. Czas*» и «*Ukształtowanie terenu*») было выявить:

I. Насколько богат словарный запас браславских польско- и белорусскоговорящих респондентов?

II. Какова степень оригинальности браславских этнолектов по сравнению с литературными языками?

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

1.1. Установить количество денотативных гнезд (далее ДГ) в выбранных тематических разделах;

1.2. Определить для каждого из этнолектов наполнение ДГ, т.е. установить, какое количество лексических единиц (ЛЕ) может являться названием данного денотата, каково количественное выражение синонимической разветвленности номинативной системы каждого из этнолектов, для каких реалий в одном из этнолектов не зарегистрировано названий;

II.1. Определить удельный вес в этнолектах элементов, соотносимых с единицами литературных языков, и оригинальных элементов;

II.2. Выяснить, являются ли оригинальные единицы дериватами от существующих в языке корней, продуктом реализации иной словообразовательной модели в рамках того же типа – или же они совершенно уникальны, т.е. разграничить единицы, образованные от уникальных корневых морфем и оригинальные единицы, созданные путем: а) семантической деривации, б) аффиксации, в) заимствований.

II.3. Указать основные источники формирования оригинального пласта лексики;

По результатам проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. **Количество ДГ.** Разделы имеют следующий объем: тематический раздел «*Zjawiska atmosferyczne. Czas*» включает 270 ДГ, раздел «*Ukształtowanie terenu*» - 147 ДГ, т.е. в них представлены соответственно названия 270 и 147 реалий. Частеречную принадлежность зарегистрированных номинаций отражает таблица ниже:

<i>Zjawiska atmosferyczne. Czas</i>									
	Сущ.		Прил.		Глаг.		Нареч.		Итого:
<i>Количество ДГ</i>	129		32		76		33		270 ДГ
<i>Количество единиц в ДГ</i>	п	б	п	б	п	б	п	б	п б
	238	190	33	36	74	61	57	54	402 341

Ukształtowanie terenu										
	Сущ.		Прил.		Глаг.		Нареч.		Итого:	
Количество ДГ	86		29		24		8		147 ДГ	
Количество единиц в ДГ	п	б	п	б	п	б	п	б	п	б
	125	127	37	25	15	31	6	8	183	191

Следует отметить, что приведенные количественные данные (как и способ представления лексического материала в словаре) не могут быть лишены некоторой степени исследовательской субъективности. Например, при выделении ДГ некоторой технической условностью было решение соотносить денотацию с частеречной принадлежностью, в частности, считать нейтральные единицы и экспрессивы (модификации с точки зрения словообразования) названиями одного денотата, а результаты словообразовательной транспозиции относить к отдельному ДГ. Частеречная палитра тоже несколько упрощена: несколько зарегистрированных причастий в зависимости от их функции (характеризующей или предикативной) рассматривались либо совместно с прилагательными, либо с глаголами, предложно-именные сочетания с наречным значением рассматривались как наречия.

Кроме того, не всегда однозначно могут быть разрешены вопросы о выделении самостоятельного ДГ или истолковании двух ЛЕ как базы и деривата, о размежевании отдельных единиц и их грамматических форм (ЛЕ и ГФ). Например, единицы *gura* // *har'a* и *[gurka]* // *horka* представлены в различных ДГ, т.к. вторая номинация является названием иной реалии, а не уменьшительно-ласкательным дериватом от первой (с точки зрения семантики, не формального словообразования), а *[gurka]* // *horka* и - // *hogačka*, - // *[har'ušačka]* истолкованы как экспрессивные номинации в составе одного ДГ. Единицы *mrus*, *mros* // *mar'os* и *mrozy* // - не рассматриваются как ГФ одной и той же ЛЕ, а разнесены в отдельные ДГ, т.к. первая (изменяемая номинация с полной парадигмой) имеет значение 'низкая температура', а вторая (существительное *plt*) – 'период низких температур, холодный период'.

Приведенные в таблице количественные данные свидетельствуют о том, что при явном преобладании в ДГ существитель-

ных, частеречная разбивка материала зависит от тематики конкретного раздела.

2. **Наполнение ДГ и богатство словника.** Специфика сбора материала (отбор лексики из устных бесед) обусловила тот факт, что не всегда удавалось зафиксировать иноязычное соответствие для каждой из единиц. Используемый в словаре прочерк (знак - // или // -) не может приравниваться к утверждению об отсутствии в исследуемом коде искомой номинации. Тем не менее, соизмеримость словарного запаса польско- и белорусскоязычных респондентов требовала проверки. Для вычисления удельного веса лексических лакун необходимо было учесть не только количество ДГ, но и общее число потенциальных эквивалентов, т.е. подсчитать отдельно количество деминутивных позиций по разделам и их заполненность для каждого из кодов. Для раздела ***Zjawiska atmosferyczne. Czas*** зарегистрировано 24 деминутивных позиции, а для раздела ***Ukształtowanie terenu*** – 25, т.е. общее число потенциальных эквивалентов для этих разделов составило соответственно **294** и **172**. Данные, касающиеся наполнения ДГ, представлены в таблице ниже.

Результаты подсчетов и анализа позволяют судить о следующем.

1) Для раздела ***Ukształtowanie terenu*** количество незафиксированных соответствий формально преобладает в польском материале (59 лакун в польских ДГ по сравнению с 37 в белорусских), однако общее количество зарегистрированных в этнолектах ЛЕ сопоставимо (183 и 191), т.е. количественное богатство словника у белорусско- и польскоязычных респондентов примерно одинаково. Для раздела ***Zjawiska atmosferyczne. Czas*** количество незафиксированных соответствий преобладает в белорусском материале (56 лакун в польских ДГ по сравнению с 81 в белорусских), что сказывается и на общем количестве собранных лексем.

2) Среднее количество синонимов в гнезде для обоих этнолектов колеблется в пределах 2,4 – 2,7. Подобен также коэффициент синонимической разветвленности кодов (отношение числа

синонимов к общему количеству зарегистрированных ЛЕ), составляющий 0,5 – 0,7.

		<i>Zjawiska atmosferyczne. Czas</i>		<i>Ukształtowanie terenu</i>	
Общее число потенциальных эквивалентов		294		172	
		Пол.	Бел.	Пол.	Бел.
Лексические лакуны в ДГ		56 (19%)	81 (27,6%)	59 (34,3%)	37 (21,5%)
Количество ДГ с числом номинаций	1	139	136	72	95
	2	56	40	20	29
	3	28	27	16	8
	4	11	7	2	1
	5	2	2	3	2
	6	1	1	-	-
	7	1	0	-	-
Число денотатов, для которых зарегистрированы синонимические названия		99	77	41	40
Среднее количество синонимов в гнезде		2,7	2,7	2,7	2,4
Коэффициент синонимической разветвленности		0,7	0,6	0,6	0,5
Общее количество ЛЕ		402	341	183	191

3) Синонимическая разветвленность не обязательно является показателем богатства кода – наоборот, многообразие номинаций для одной и той же реалии может свидетельствовать о разбалансированности системы. Примерами могут служить названия месяцев: в то время как в польском этнолекте функционирует в большинстве случаев по одной номинации (не считая фонетических вариантов) для каждого денотата, в белорусском этнолекте в большинстве случаев представлено по три номинации для каждой из реалий (напр., 03: *sakav'ik; mart; marac*; 06: *červ'iń; červ'ic; ij'ui*) – система, помимо собственно белорусской с генетической точки зрения единицы включает польские и русские проникновения. Вероятно, объяснить этот факт можно тем, что календарь

всегда связан с языком официальной власти и языком обучения – следовательно, названия месяцев белорусскоязычные респонденты могли усвоить в польской или советской школе, в правлении гмины, сельсовете. Примером разбалансированности системы на польском материале могу служить номинации туч: *χmura*, *χmurka*; *tenča*; *tenč* (f).

3. **Лексическая оригинальность кодов.** Анализ материала показал, что количество оригинальных лексем (отличающихся от зафиксированных словарями ЛЯ) в исследуемых кодах существенно (см. таблицу).

	<i>Zjawiska atmosferyczne. Czas</i>		<i>Ukształtowanie terenu</i>	
	Пол	Бел	Пол	Бел
Количество оригинальных лексем	113	80	70	41
% от общего объема	28,1%	25,5%	38,3%	21,4 %

Тот факт, для польского говора процентный показатель инноваций выше, чем для белорусского (почти в два раза по разделу ***Ukształtowanie terenu***), свидетельствует о том, что польскоязычные респонденты, вероятно, чаще вынуждены прибегать к заимствованиям из знакомых им языков и импровизировать, создавая новые единицы в процессе речи.

Однако количество оригинальных корневых лексем при этом ничтожно: это польские *traty* ‘плотина’, *pśelepka* ‘прорубь’, *bugaj* ‘сосновый лес, гай’, *rdza* ‘зарница’, *opreńga* ‘радуга’, *śl’ac* ‘мокрый снег’, *obl’iv’eń* ‘гололед’, *kryga* ‘льдина’, *l’un* ‘заросший вязкий берег’ и белорусские *l’un*, *liń* ‘т.с.’, *abl’iv’eń* ‘гололед’, *s’usl’ik’i* ‘сосульки’. Все прочие не совпадающие с литературными единицы это: русизмы (Р) для обоих кодов, напр.: *χalm’u* (п, б), *navodń’eńije* (п), *kl’ukaŋnik’i* (б), белорусизмы (Б) для пол. кода, напр.: *krušńa*, *łužyna*, *sadzałka*, восточнославянизмы (В) для пол. кода, напр.: *makuška*, *atk’os*, *valun’u*, полонизмы (П) для бел. кода, напр.: *l’onačk’i*, *žv’iroцńa*, дериваты (Д), созданные от существующих в ЛЯ корней, напр.: *bystr’ač* (п), *pavol’nik* (п), *stromk’i* (п), *pšyguře^ačk’i* (п), *raцń’ac*” (б), *zah’ibnula* (б), номинации, изменив-

шие семантику (С), напр.: *kam'eńica* (п) 'каменный карьер', *zaval* (п) 'перекат реки', *v'ys"ička* (б) 'прорубь' гибриды (Г) напр.: *kensty* (п), *pulostrof* (п), *dva l'ata temu naz'at* (п), *pr'orupka* (б) и единицы, имеющие иные, нежели в ЛЯ, грамматические характеристики (Гр), напр.: *pl'aś* (п), *śl'uz* (п), *tarf'a* (б). В разделе **Zjawiska atmosferyczne. Czas** зарегистрировано также несколько фразеологизмов, напр.: *ot sonca do sonca* (пол.), *zb'ytniĵa dñi* (пол.), *čort χvast'om zakruc''iц* (бел.). Количественные данные по данным группам представлены в таблицах:

Ukształtowanie terenu												
Пол.							Бел.					
Заимствования			Языковое творчество				Заимствования		Языковое творчество			
Р	Б	В	Д	С	Г	Гр	Р	П	Д	С	Г	Гр
7	5	21	12	13	2	3	8	3	15	8	1	2
33			30				11		26			

<i>Zjawiska atmosferyczne. Czas</i>													
Пол.							Бел.						
Заимствования			Языковое творчество				Заимствования		Языковое творчество				
Р	Б	В	Д	С	Г	Гр	Р	П	Д	С	Г	Гр	Фр
11	7	14	20	21	15	9	33	13	15	12	2	1	1
32			70				46		31				

Некоторые единицы однако не представляется возможным интерпретировать однозначно (отсюда несовпадение суммы расклассифицированных единиц и заявленного количества оригинальных лексем). Например, зарегистрированная в бел. коде единица *płoścac* представляет собой не просто заимствование русской фонетической формы, но и факт семантической деривации, т.к. употребляется в значении 'равнина', то же зарегистрированные в пол. коде *kust'y* и *kust'arńik'i* 'редколесье'; бел. *plav'y Npl* 'заросший вязкий берег' можно рассматривать как усечение литературного *поплаў* с одновременным изменением значения; пол. *l'is"с"оу* можно истолковать как семантическую деривацию или как белорусизм.

В целом же полученные данные позволяют предположить, что способы заполнения респондентами лакун в речи могут быть разными, выбор стратегии (заимствование или языкотворчество) зависит от языковой компетенции респондента и близости ему тематики беседы. Однако точные выводы могут быть сделаны лишь на основании более широкого изучения словарного материала.

Большой интерес представляло бы также выяснить, какова степень подобия браславских этнолектов друг другу, т.е. каково количество лексических единиц, совпадающих для обоих этнолектов, – и лексических единиц, используемых лишь одним из соседствующих кодов; существует ли общий для обоих этнолектов оригинальный пласт лексики.

Фиксация в словаре регистрация не только начальных форм номинаций, но и грамматических форм, фонетических вариантов, позволяет определить основные векторы различий фонетических вариантов зарегистрированных ЛЕ; выявить количество зарегистрированных грамматических форм для каждой из ЛЕ, в том числе, число параллельных форм; сопоставить количество регистраций (число местностей, где данная ЛЕ была зафиксирована) белорусских и польских ЛЕ; описать деривационный потенциал каждого из кодов, выявив, какое количество дериватов зарегистрировано для базовых ЛЕ. Среди синонимических названий (ЛЕ в составе одного ДГ) можно выявить количество разнокорневых единиц и номинаций, образованных от единого корня при помощи различных аффиксов и определить, существуют ли общие для обоих этнолектов словообразовательные тенденции, формирующие оригинальные лексические единицы.

Представляется, что предложенная методика статистической обработки словарных данных может дать ответ на поставленные вопросы.